

DOI: 10.31857/S013038640020247-9

© 2022 г. А.Б. Соколов

РОССИЙСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ОТ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА ДО КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ: ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Рец. на книгу: А.А. Орлов. «АСТРЕИН ВЕК». ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, РОССИЯ И ПРОБЛЕМА НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века (1815–1854 гг.). М.: Московский педагогический госуниверситет, 2019. 304 с.

Соколов Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

E-mail: sokolov_1457@mail.ru

Researcher ID: AAF-6283-2019

A.B. Sokolov

RUSSIAN-BRITISH RELATIONS FROM THE CONGRESS OF VIENNA TO THE CRIMEAN WAR: POLITICS AND ECONOMICS

Rec. ad op.: A.A. Orlov. THE GOLDEN AGE OF ASTRAEA. GREAT BRITAIN, RUSSIA, AND THE NEW WORLD ORDER IN EUROPEAN POLITICS IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY (1815–1854). Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2019. 304 p.

Andrei Sokolov, Yaroslavl Ushinskiy State Pedagogical University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: sokolov_1457@mail.ru

Researcher ID: AAF-6283-2019

Работая над статьей об особенностях русского национализма первой половины XIX в., я обратил внимание на речь В.Н. Каразина, прозвучавшую в 1818 г. в Харькове на заседании Филотехнического общества¹. Каразин входил в окружение Александра I в «прекрасное начало» его царствования. Он был основателем Харьковского университета, придерживался либеральных взглядов и смотрел в будущее с оптимизмом. Выделяя два вида «ложного патриотизма», он соотносил первый с наследием Просвещения и Французской революции, а второй — с ксенофобией: «К стыду просвещенной Европы, не в одном царстве находим хулителей царств других. Сие гонение иностранных не есть любовь к Отечеству». Подчас преступления каких-то лиц или дела правительства «безрассудная

толпа» приписывает народам: «Таким-то образом имена: Француз у одних, Турок у других, Руской у третьих, сколь безвинно, столь и безумно становятся порицанием. Укоризны воздаются за укоризны. Народы как бы умышленно содержатся в непримиримой неприязни, а все они суть чада единого Бога». Национальные предубеждения Каразин считал недостойными XIX столетия, «наша любовь к Отечеству не есть исключительная привязанность к стране рождения». Он надеялся, что новая эпоха обещает «всеобщий братский союз рода человеческого». В политическом отношении эти смелые надежды породил Священный Союз, в котором монархи «дают себе взаимно имена друзей. В сем качестве посещают они друг друга и от лица к лицу решают судьбу важной части Европы».

¹ Каразин В.Н. Об истинной и ложной любви к Отечеству // Благонамеренный. 1818. Т. IX. С. 309–337.

Новый характер отношений между правителями — образец для граждан: «Сограждане! Перестанем оскорблять братьев своих и наставников. Отдадим *справедливость* (здесь курсив мой. — А.С.) их *доброму*, дабы они нашему *лучшему* оное отдали»².

Это был наивный призыв, но в нем соединились надежды на то, что государи будут решать судьбы Европы путем переговоров, основанных на «дружбе» их участников, и на то, что между народами установится взаимопонимание и взаимное уважение, призыв, удивительно созвучный той концепции международных отношений, которую рассматривает в монографии д.и.н., проф. А.А. Орлов. Действительно, в первой половине XIX в., после кровопролитных наполеоновских войн многие надеялись, что Астрей, богиня справедливости, вернется с небес на землю, в Европе воцарятся мир и согласие между народами.

Рецензируемая монография является продолжением более ранних исследований автора по теме англо-российских отношений и культурных связей между двумя народами³. Автор стремится избежать стереотипов и по-новому осветить ряд важных аспектов рассматриваемой темы на основе глубокого изучения архивных и опубликованных источников. Ему удалось избежать односторонности, присущей марксистской советской и отчасти зарубежной либеральной историографии в оценке Священного Союза как «заговора монархов против народов». А.А. Орлов ввел в дискурс о международных отношениях первой половины XIX в. концепт «новый мировой порядок», являющийся порождением иного времени и иных реальностей. Он полагает, что его сердцевиной был комплекс международных обязательств, обеспечивших относительную безопасность в Европе вплоть до Первой мировой войны: в течение почти целого века в Европе не было «однопольности» (с. 6–7). Автор отмечает, что стержнем международных отношений были англо-российские отношения, а не «меттерниховская система», как прежде часто утверждали историки. А.А. Орлов справедливо отвергает подходы, диктуемые политическими пристрастиями. В основе такого рода трудов лежат, как правило, «геополитические соображения», следование конъюнктуре, а иногда просто ксенофобия, подобные «крайности» встречаются в англоязычной и в

русскоязычной литературе и в наши дни (с. 6, 22, 25–26). Важно подчеркнуть, что свою позицию исследователь сформулировал на основе исторических аргументов, тщательного и непредвзятого анализа источников.

Автор не претендует на разработку новой концепции истории англо-российских отношений в первой половине XIX в., принципиально отличающейся от утвердившейся в историографии, но обозначает позицию по отдельным аспектам, по которым существует различие интерпретаций. А.А. Орлов щедро делится с читателем своими архивными находками, что позволяет видеть проблему в ее исторической конкретности, в контексте реальной ситуации, какой ее видели современники. Автора можно упрекнуть в недостатке внимания к документам английского парламента, но это с лихвой компенсируется тщательным изучением российских архивных источников.

Монография состоит из четырех глав. Структура определяется сочетанием хронологического и проблемно-тематического принципов. В первой главе «США, Ближний Восток, Центральная Азия — регионы пересечения интересов России и Британии (1815 — начало 1830-х годов)» выделены три основных противоречия, которые потенциально создавали напряженность между двумя странами. В первом параграфе «Александр I, Джордж Каннинг и США: проблема выбора стратегического партнера» детально рассмотрены обстоятельства появления знаменитой «доктрины Монро» 1823 г. в контексте отношений внутри Священного Союза и англо-российских отношений. Автор подробно рассматривает дипломатические документы, в том числе инструкции российским дипломатам, предлагавшие тщательно проанализировать перспективы сближения с США. К чести российского посланника в США П.И. Полетики, он реалистично оценил возможности, указав на приоритет торговли и мореплавания и на «единые моральные узы», связывавшие США и Великобританию (с. 44). А.А. Орлов полагает, что позиция России во многом предопределила демарш Дж. Каннинга, выступившего в защиту восставших испанских колоний в Америке: «Не были ли попытки Каннинга перехватить инициативу в отношениях с Вашингтоном порождены в том числе желанием не

² Там же. С. 328–332.

³ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005; *Его же*. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы о представлении россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Очерки. М., 2008.

допустить выхода России из-под влияния Великобритании?» (с. 48). С моей точки зрения, достаточных доказательств, что Александр I (и Николай I) сколько-нибудь целенаправленно двигался к смене внешнеполитических приоритетов в сторону США, нет. То, что бывший американский посланник в Петербурге Д.К. Адамс в 1824 г. стал президентом, могло, однако, породить некоторые иллюзии. По мнению автора, «стремление Александра I и Николая I, направленное на смену стратегического партнера, оказалось несостоятельным» (с. 51). Причину он видел не только в ослаблении интереса к России при президенте Э. Джеконе, но и в общей неразвитости экономических связей между двумя странами.

Во втором параграфе «До начала “Большой игры”». Центральная Азия и Ближний Восток в планах российской и британской правящей элиты анализируются отношения держав в этих регионах. Понятие «Большая игра» широко используется для обозначения борьбы между Англией и Россией за влияние в Центральной Азии во второй половине XIX — начале XX в. А.А. Орлов особо оговаривает, что неверно применять его к первой половине XIX столетия. С начала 1820-х годов активизировались попытки расширения зоны российского экономического влияния в Центральной Азии, но они были, по большей части, неудачными, что объяснялось, в частности, плохим знанием местных условий, да и Александр I совершенно «не собирался покусаться на зоны экономического и политического влияния Великобритании в Азии» (с. 61); «Вредить англичанам в Европе, в Азии или где бы то ни было еще в ущерб себе российские власти явно не собирались» (с. 56). Хотя Николай I «сделал ставку на силовое давление», он, как и предшественник, стремился доказать «своему главному европейскому партнеру: ни мирное, ни вооруженное продвижение России на Восток не несет угрозы позициям Британии» (с. 66). Проявлением политического реализма было игнорирование русским правительством всякого рода поступавших в Петербург проектов, повторявших «обанкротившуюся (в конечном итоге) наполеоновскую политику» (с. 80–85). А.А. Орлов детально рассмотрел визит герцога Веллингтона в Петербург в 1826 г. в контексте решения «греческого вопроса». Архивные документы, детали дают возможность ярко высветить рассматриваемую проблему, например: зловключения англичанина Гордона, ехавшего из Охотска в Индию, задержанного в городе Енотаевске, и реакция Александра I, которому доложили о жалобе иностранца (с. 61–62).

Вторая глава «Экономические основы союза Британии и России» почти целиком строится на архивных документах. Первый параграф «Английские деньги для русских реформ. Размещение русского займа в Англии в 1822 г.» расширяет наше представление о том, как функционировала российская финансовая система, как было положено начало отношениям с банкирским домом Ротшильдов, какие препятствия существовали для включения России в европейскую финансовую систему. Автор обстоятельно изучил историю займа 1822 г., позицию Е.Ф. Канкрин по этому вопросу и причины, по которым проект едва не провалился. Тем не менее «в промышленной и финансовой сферах обойтись без помощи Англии было гораздо труднее» (с. 94). А.А. Орлов, безусловно, прав, связав финансовую отсталость России с господством крепостничества, да и — парадокс — ведомствам отчаянно не хватало сотрудников, знавших английский язык.

В центре второго параграфа «Развитие торговли и восприятие британских технологических новаций» находятся проекты военного инженера графа Сент-Альдегонда. Этот потомок древнего французского рода, консультировавший русское правительство по вопросам производства вооружения, вскрыл недостатки даже на лучшем Тульском заводе. В 1836 г. он был направлен российским правительством в командировку в Англию для выяснения технологий производства и поиска специалистов, готовых приехать в Россию. История Сент-Альдегонда — интересный пример «промышленного шпионажа» в ту эпоху. Характерно, что в 1842 г. британские власти ограничили всем иностранцам доступ на оружейные заводы Бирмингема. Действительно, тема технологических трансфертов была не только важна для правительства (император лично знакомился с докладами этого инженера и удостоил его аудиенции), но и крайне привлекательна для широкой публики. Достаточно ознакомиться с русскими журналами 1820–1830-х годов, например, с «Журналом мануфактур и торговли» или с записками путешественников, таких как И.М. Симонов, интересовавшихся наукой и техникой. А.А. Орлов указал на особенности протекционистской политики России и каким образом британские купцы обходили требования законодательства.

В третьей главе «Британо-российские отношения в 1830–1840-х годах и начало ревизии венской системы» в параграфе «Обострение политических отношений Великобритании и России в 1830-е годы» показано, как постепенно нарастали противоречия между двумя странами. Автор рассмотрел

этот процесс на конкретных примерах из архивных источников. Он утверждает, что зерна конфликта вошли сразу после окончания войны с Турцией в 1829 г. Британский и французский консулы явно противодействовали российским полномочным представителям в Молдавии и Валахии, и конфликт докатился до Петербурга (с. 140–148). Тогда Николай I «стремился, в соответствии с его заявлениями начала царствования, действовать в любой кризисной ситуации в согласии с Великобританией и Францией» (с. 145). Угрозой венской системе стали революции 1830 г. Как известно, только позиция европейских дворов примирила императора с необходимостью признания короля Луи Филиппа. Возможно, следовало бы указать на подавление восстания в Польше как одну из причин обострения международной ситуации. В монографии рассмотрены действия по усилению армии и особенно флота. Хотя в 1832 г. разрабатывались планы военного похода на запад, архивные источники показывают: в Петербурге доминировало стремление к сохранению англо-русского союза (с. 150–151). Однако и военные варианты не исключались, о чем свидетельствует покупка по приказу Николая I чертежей у британского корабельного инженера Мурсома. В использовании их видели одно из средств улучшения флота, состояние которого считал неудовлетворительным не только маркиз де Кюстин. Как утверждает А.А. Орлов, в конце 1833 г. наступил переломный момент: император «перестал надеяться на активное содействие ему со стороны первой (Англии. — А.С.) в защите венской системы и нового мирового порядка. Тем не менее он полагал: выгоды взаимной торговли и усиление влияния России в Турции после подписания Ункяр-Искелесийского договора заставят Лондон отказаться от военных приготовлений» (с. 161). В этом Николай I ошибался: договор стал новым поводом для обострения отношений с Лондоном и Парижем. Отказ от его продления оказался мерой, недостаточной для полной нормализации отношений с Англией. Император также ошибся в оценке конвенций 1840 и 1841 гг. о закрытии Проливов.

В параграфе «Влияние экономических факторов на двусторонние контакты в 1830–1840-х годах» автор развивает экономическую интерпретацию истории внешней политики, приверженность которой демонстрировал и в предыдущих главах. В обеих странах существовали разные взгляды на будущее торговых отношений. В Англии олицетворением противоборствующих мнений стали Р. Кобден и Д. Уркарт. В России в силу политической специфики и господства цензуры опасения

в отношении английского купечества обнаруживаются в донесениях III Отделения. Камнем преткновения являлся таможенный протекционизм. «Дело о ввозе сахара» в Россию иллюстрирует, насколько долговременными могли быть споры и неоднозначными принимавшиеся решения (с. 171–175). Этот пример раскрывает механизмы лоббирования и в той, и в другой стране. А.А. Орлов обстоятельно рассмотрел роль британской Российской компании и торговый договор 1842 г. Особый интерес представляет сюжет о закупке Россией облигаций в Лондоне и Париже в 1846–1847 гг.: «Петербург, кроме желания поддержать свою торговлю, стремился содействовать Британии и Франции в преодолении трудностей их внутреннего развития для предотвращения потрясений, способных нанести непоправимый вред венской системе» (с. 188).

В завершающей главе «Движение Великобритании и России к разрыву отношений и столкновению в Крымской войне (1840-е годы — 1854 г.)» прослеживается постепенное ухудшение отношений между двумя странами. В параграфе «Великобритания и Россия в 1840-х — начале 1850-х годов: дорога к Крымской войне» подчеркнута определяющая роль Николая I в формировании внешней политики России, что привело, в конечном счете, ко многим ошибкам. «Вышей точкой сближения» стал визит императора в Англию в 1844 г., когда и прозвучало его предложение о «разделе имущества больного человека», т.е. Турции. Содержание многочисленных бесед с английскими политическими деятелями и меморандум, составленный позднее по этому поводу канцлером К.В. Нессельроде, не давали однозначной трактовки результатов переговоров. Николай I считал, что добился поставленных целей. В Петербурге вообще не уловили первый тревожный сигнал, когда в том же 1844 г. британские купцы отказались поставить в Россию крупную партию свинца (с. 201–206). Переломным моментом стали революции 1848 г., утвердившие царя во мнении, что Англия совершает действия, противные принципам венской системы. Много внимания А.А. Орлов уделил проекту А.Н. Муравьева (с. 210–213), который, хоть и не имеет прямого отношения к Англии, но позволяет понять умонастроения Николая I.

В параграфе «Причины отказа Британии от сотрудничества с Россией. Складывание “крымской” коалиции (1853 — начало 1854 г.)» автор указал на новые дипломатические просчеты царя. Надежды на возрождение Четверного союза как средства восстановления венской системы, оскорбительные демарши в отношении Наполеона III, провозгласившего себя императором Франции, возобновление

предложений о разделе Турции в беседах с английским послом — все это не могло найти понимания в Лондоне. В Англии были противники разрыва с Россией, но лорд Пальмерстон сумел их переиграть, ловко манипулируя общественным мнением и используя прессу (с. 232). Напротив, русская дипломатия не смогла организовать ничего подобного тому, что сделал граф С.Р. Воронцов в дни «очакового кризиса» 1791 г. Да и использование прессы для воодушевления национально-патриотического подъема внутри России не могло быть для царя, давно запретившего обсуждать политику правительства, приемлемым, по крайней мере, до начала военных действий. Далекими от реальности казались планы вроде завоевания Англии или ведения войны с ней на Востоке, например, записки барона Н. Торнау: «В отношении Индии стратегические цели Николая I, несмотря на все его разочарование в политике Лондона, остались прежними. Он неизменно отклонял или оставлял без внимания проекты не только завоевания, но даже и ослабления власти англичан на полуострове Индостан» (с. 236).

Единственное существенное, с моей точки зрения, замечание по книге касается использования зарубежной историографии. Понятно, что нельзя охватить всю историографию темы, в данном случае речь об отдельных упущениях. Использование трудов известного английского историка, «возмутителя спокойствия» Алана Тейлора, несомненно, могло бы способствовать актуализации ряда проблем, поставленных А.А. Орловым⁴. Как видно по библиографическому списку, количество работ, изданных после 1980 г., в нем невелико. Вероятно, это объясняется сокращением закупок литературы даже в главные исторические библиотеки. Укажу несколько наименований трудов британских историков, которые могли быть полезны в плане дискуссий о факторах, влиявших на формирование британской внешней политики, в частности, какое место занимали в этом отношении экономические соображения. Работы современных английских историков проясняют ход политической борьбы в правящих кругах Англии по вопросам внешней

политики, в том числе отношений с Россией, который, по понятным причинам, связанным с акцентом на российские архивные документы, остался в основном на периферии⁵. Разумеется, данное замечание не умаляет достоинств рецензируемой монографии.

Библиография

- Каразин В.Н. Об истинной и ложной любви к Отечеству // Благонамеренный. 1818. Т. IX. С. 309–337.
 Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.
 Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Очерки. М., 2008.
 Black J. Convergence and Divergence. Britain and Continent. London, 1994.
 Chamberlain M. “Pax Britannica”? British Foreign Policy 1789–1914. London, 1995.
 Lowe J. Britain and Foreign Affairs 1815–1885. Europe and Overseas. London, 1998.
 Taylor A.J.P. From Napoleon to the Second International. Essays on Nineteenth-Century Europe. London, 1995.

References

- Karazin V.N. Ob istinnoy i lozhnoy lubvi k Otechestvu [About true and false love for the Fatherland] // Blagonamerenny [Well-intentioned magazine]. 1818. T. IX. S. 309–337. (In Russ.)
 Orlov A.A. Souz Peterburga i Londona. Rossiysko-britanskie otnosheniya v epokhu napoleonovskikh voyn [The Alliance of St. Petersburg and London. Russian-British relations during the Napoleonic Wars]. Moskva, 2005. (In Russ.)
 Orlov A.A. “Teper’ vizhu anglihan vblizi...”: Britaniya i britanzi v predstavleniyah rossiyan o mire i o sebe (vtoraya polovina XVIII — pervaya polovina XIX vv.). Ocherki [“I Now See the English Anigh...”: Britain and the British in representations of Russians about the world and about itself (second half 18th — first half 19th centuries). Sketches]. Moskva, 2008. (In Russ.)
 Black J. Convergence and Divergence. Britain and Continent. London, 1994.
 Chamberlain M. “Pax Britannica”? British Foreign Policy 1789–1914. London, 1995.
 Lowe J. Britain and Foreign Affairs 1815–1885. Europe and Overseas. London, 1998.
 Taylor A.J.P. From Napoleon to the Second International. Essays on Nineteenth-Century Europe. London, 1995.

⁴ Taylor A.J.P. From Napoleon to the Second International. Essays on Nineteenth-Century Europe. London, 1995.

⁵ Black J. Convergence and Divergence. Britain and Continent. London, 1994; Chamberlain M. “Pax Britannica”? British Foreign Policy 1789–1914. London, 1995; Lowe J. Britain and Foreign Affairs 1815–1885. Europe and Overseas. London, 1998.